

Педагогическіе афоризмы и замѣтки.

О воспитаніи.

Всякія награды, по нашему убѣжденію, являются рѣшительно антипедагогическимъ средствомъ. Награждать кого-нибудь за пользу, приносимую не себѣ, а другимъ—это, конечно, имѣетъ смыслъ; но награждать за то, что юноша или дѣвица хорошо учится, т. е. приноситъ *себѣ* пользу, а не другимъ, не имѣетъ никакого смысла. (Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника).

Отчужденность дѣтей отъ преподавателей такъ вѣлалась въ наши школьные нравы, что бесѣды учениковъ съ учителемъ внѣ класса часто даже осуждаются: ученики видятъ въ разговорахъ съ учителемъ неблаговидное заискиванье, начальство школы заподозриваетъ учителя, охотно бесѣдующаго съ дѣтьми внѣ класса, въ желаніи популярничать. Нѣкоторые изъ учителей даже опасаются, что, вступая въ бесѣды съ ученикомъ, они утратятъ свою авторитетность, основанную будто бы на недоступности. У насъ возможны, напримѣръ, такія явленія, что въ теченіе 7—8-лѣтняго курса учащіеся не перекинутся ни однимъ словомъ съ преподавателемъ внѣ класса. (Ж. Обр. 1880 г. Изъ жизни и лит.).

На развитіе эстетическаго чувства обращается, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія въ школѣ, быть можетъ, именно потому, что въ нашей жизни приходится слишкомъ часто наблюдать эстетическое чувство въ извращенномъ видѣ, а также и потому, что даже не всѣ образованные люди у насъ понимаютъ, что правильное эстетическое развитіе необходимо для нравственнаго развитія, что одно съ другимъ идетъ обыкновенно рука объ руку. (Ж. Обр. 1881 г. Изъ жизни и литерат.).

При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ все-таки справедливость требуетъ сказать, что школа наша даетъ учащимся въ нравственномъ отношеніи сравнительно больше, чѣмъ общественная и семейная жизнь; и у плохого законоучителя ученики про-

чтутъ и до извѣстной степени поймутъ Евангеліе, и у зауряднаго словесника ознакомятся съ лучшими литературными произведеніями, въ которыхъ сказываются думы, чувства, желанія, словомъ, вся душа лучшихъ русскихъ людей и писателей. Что же видятъ наше юношество въ окружающей его жизни? Видятъ ли практическое примѣненіе ученія Христова о любви къ ближнему? Видятъ ли примѣры высокой гражданской доблести? Видятъ ли великихъ проповѣдниковъ, потрясающихъ сердца людей нравственной силою своего слова? Видятъ ли, наконецъ, героевъ знанія, жертвующихъ для него своимъ состояніемъ, почетомъ и даже жизнью? Не приходится ли этому юношеству чаще всего видѣть въ жизни нѣчто совершенно противоположное? Крайній эгоизмъ, мелочность и пошлость—вотъ что чаще всего встрѣчаетъ въ жизни юноша, начинающій самостоятельно жить. «Пить, ѣсть и веселиться»—вотъ девизъ этой жизни. Одни безъ труда могутъ слѣдовать этому пріятному призванію; другіе должны для этого трудиться и служить. Стрѣляются у насъ молодые люди дѣйствительно иногда потому, что никакъ нельзя примириться съ этимъ призваніемъ. Не въ школѣ, а въ жизни происходитъ «оголеніе отъ идеаловъ».

(Ж. Обр. 1881 г. Изъ жизни и литерат.).

Исторія свидѣтельствуетъ, что бываютъ времена, такъ сказать, умственного расцвѣта, времена, богатые великими учеными, со страстью преданными своей наукѣ, глубокими мыслителями, талантливыми писателями. Въ такіе годы, урожайные въ умственномъ отношеніи, и школа на всѣхъ своихъ ступеняхъ полна жизни и силы. Самая умственная атмосфера, такъ сказать, благопріятна для образованія: и въ школѣ, и внѣ ея чуткая молодежь видитъ людей высоконравственныхъ, проникнутыхъ глубокими убѣжденіями, внѣ которыхъ и жизнь для нихъ невозможна, встрѣчаетъ въ жизни высокіе и свѣтлые идеалы. Въ такое время школа полна того «тепла и свѣта», безъ котораго воспитаніе не воспитаніе, ученіе не ученіе. Но бываютъ иныя времена, времена какого-то соннаго, даже мертвеннаго состоянія общества. Тѣ мечты и идеалы, которыми такъ полна была жизнь предковъ, уже отжили свой вѣкъ, а новые не народились. Самыя знанія, кажется, будто утративъ новизну, лишились своей преж-

ней возбуждающей силы и слабо дѣйствуютъ на умы людей этого времени. Поколѣніе это является какимъ-то бесплоднымъ, немощнымъ. Холодное сомнѣніе, равнодушіе характеризуютъ большинство образованныхъ людей. Чаше и чаше встрѣчаются такія личности въ средѣ ихъ, которыя, по словамъ поэта, «къ добру и злу постыдно равнодушны». Въ такія времена ни наука, ни литература не процвѣтають. Понятно, что и школа находится тогда въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Жизнь, окружающая юношество, глушитъ умственные и нравственные интересы, если они пробуждаются школой. Какова же роль школы въ такія печальныя времена? Хотя школа, какъ уже сказано, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ обществомъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ процвѣтать, когда общество не процвѣтаетъ умственно и нравственно, но все же въ извѣстныхъ предѣлахъ она можетъ быть лучше и хуже. Чѣмъ непрігляднѣе общественная жизнь, тѣмъ болѣе школа должна стремиться къ тому, чтобы развить у своихъ питомцевъ умственные и нравственные силы. Дѣятельность школы, воспитательная и образовательная, въ такія печальныя эпохи должна стать по мѣрѣ возможности болѣе напряженною. Убѣжденія формируются преимущественно жизнью и убѣжденіями другихъ; школа должна поэтому больше выдвинуть, по нашему мнѣнію, тѣ науки и искусства, которыя помогаютъ этой формировкѣ. Особенно важны въ этомъ отношеніи исторія и словесность, разумно поставленныя. (Ж. Обр. 1879 г. Изъ жизни и литерат.).

Дѣти! Самое это слово рѣдко сорвется съ устъ нашихъ педагоговъ. Это для родителей есть дѣти, дорогія имъ существа, одаренныя живой душой, съ особеннымъ своимъ интереснымъ внутреннимъ міромъ, со своими горестями и радостями. А большинство педагоговъ знаетъ только «учениковъ» и «ученицъ»: для нихъ это совершенно особыя существа, созданныя специально для школы, существа, одаренныя слухомъ для того, чтобы слушать все, что учитель рассказываетъ, и особымъ аппаратомъ въ головѣ, воспринимающимъ все, что объясняется учителемъ или учебникомъ, и сохраняющимъ все воспринятое, по крайней мѣрѣ, вплоть до выпускного экзамена.

А если подумаешь, сколько, быть можетъ, между такъ называемыми «школьными отбросками», т. е. учащимися, не удовлетворившими тѣмъ или инымъ школьнымъ требованіямъ, погибло дарованій и хорошихъ силъ, погибло только вслѣдствіе того, что въ нихъ не признавали живыхъ личностей, могущихъ имѣть свои склонности, свои особенности, не вполне подходящія къ тѣмъ мѣркамъ, какими нерѣдко мѣряютъ въ нашихъ школахъ «хорошихъ и благонравныхъ учениковъ».

(Ж. Обр. 1883 г. Изъ жизни и литерат.)

Какой бы зоркій контроль ни былъ со стороны начальства, ближайшаго и высшаго, надъ школой,—онъ никогда не будетъ такъ бдителенъ и проникателенъ, какъ контроль родителей.

(Ж. Обр. 1882 г. № 2. Изъ жизни и литерат.)

Нигдѣ такъ незамѣтенъ крайне низкій уровень педагогическихъ интересовъ, какъ на конференціяхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Собирается періодически разъ въ мѣсяцъ, а не то и разъ въ два мѣсяца учительскій и воспитательскій персоналъ, обыкновенно далеко не въ полномъ составѣ, для того, чтобы молча выслушать инструкцію или отвѣтить на тѣ вопросы, какіе будутъ предложены предсѣдательствующимъ или начальствующимъ лицомъ, а не будетъ предъявлено съ этой стороны вопросовъ, то собравшіеся просидятъ два или три часа молча, слушая чтеніе балловъ, выражая скуку на своихъ лицахъ и поглядывая на часы. И нашъ личный опытъ, и рассказы многихъ педагоговъ, работающихъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что въ большинствѣ случаевъ именно такую картину представляютъ конференціи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только какой-нибудь выдающийся случай въ школьной жизни, какой-либо небывалый казусъ на время способенъ вывести изъ апатіи «скупающихъ педагоговъ», заставить ихъ заговорить... Поговорятъ, потолкуютъ, пожалуй, даже погорячатся, примутъ какія-либо экстренныя мѣры по поводу экстреннаго случая, и затѣмъ теченіе школьной жизни войдетъ въ свое обычное русло, и снова всеподавляющая скука воцарится въ педагогическомъ кружкѣ школы.

Судьба трехъ-четырехъ сотъ дѣтей въ рукахъ этихъ педагоговъ, а они томятся скукой, они не имѣютъ ничего ни спросить, ни сказать въ своемъ собраніи. Если когда-либо наша школа заживетъ настоящей жизнью, и господствующимъ типомъ въ учительской средѣ будутъ настоящіе, мыслящіе и любящіе свое дѣло, педагоги, то имъ, конечно, будетъ казаться поразительнымъ время скучающихъ и безмолвствующихъ педагоговъ.

(Ж. Обр. 1882 г. Изъ жизни и литерат.).

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности провинціальныхъ, существуетъ очень вредное обыкновеніе поручать веденіе класса во время отсутствія классныхъ наставницъ кому-нибудь изъ ученицъ. Подобнымъ средствомъ цѣль достиженія порядка нисколько не достигается, напротивъ, получаютъ совершенно противоположные результаты. Хорошая товарка ни за что не выдастъ своей подруги, какъ бы послѣдняя ни шалила; съ другой стороны и классъ нисколько не будетъ сдерживаться въ шалостяхъ и поддерживать порядокъ, несмотря на угрозы наставницы сдѣлать отвѣтственной за все ту, которой передала она свое полномочіе. Если нѣкоторыя и захотятъ пощадить подругу, то остальные, въ особенности живыя и подвижныя, будутъ терять изъ виду всякія великодушныя соображенія, что очень понятно и извинительно въ дѣтяхъ. Такимъ образомъ передача ученицѣ наставнической роли является совершенно номинальной и подрываетъ только вѣру въ основательность распорядженій наставницы. Лучшія изъ ученицъ тяготятся этой ролью и чувствуютъ стыдъ и неловкость при ея исполненіи. Другія же тѣшатся этой ролью ради тщеславія и сквернаго попользованія покомандовать и пофразировать. Попади въ эту роль дѣвочка, склонная къ деспотизму, и она найдетъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію этой склонности.

Такимъ образомъ эта педагогическая мѣра поселяетъ между дѣтьми вражду, злобу, развиваетъ мстительность.

(Ж. Обр. 1882 г. № 12. Изъ жизни и литерат.).

О преподаваніи.

Знаніе иностранныхъ языковъ, даже хорошее знаніе (чего обыкновенно школа не даетъ) ихъ молодыми людьми, у которыхъ нѣтъ умственныхъ интересовъ, имѣеть очень мало цѣны: иностранные языки для нихъ—это ключи отъ недоступныхъ для нихъ сокровищъ. Тѣ же изъ молодыхъ людей, у которыхъ пробуждена въ средней школѣ любознательность, и развита привычка работать, безъ особеннаго труда въ два-три года изучать любой иностранный языкъ, чтобы пользоваться его литературой.

(Ж. Обр. 1888 г. Февраль. Изъ жизни и литерат.)

Тѣ знанія, какія выказываются на экзаменахъ, подобны роскошному, цвѣтущему саду, въ которомъ большая часть цвѣтовъ и кустовъ только вѣтки, кое-какъ наскоро срѣзанные и натыканные въ грядкахъ, чтобы потѣшить взоръ на одинъ день, а тамъ погибнуть безъ слѣда.

(Ж. Обр. 1888 г. Изъ жизни и литерат.)

Наслаждаться природой, любить ее совершенно несвойственно дѣтскому возрасту: такое отношеніе къ природѣ есть свойство взрослого и притомъ развитого человѣка, и наполнять начальную хрестоматію описаніями природы, даже и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными, по нашему мнѣнію, непедagogично.

(Ж. Обр. 1876 г. Рецензія о христ. Стоюнина).

Хрестоматія для начальнаго чтенія въ общеобразовательномъ заведеніи должна имѣть въ виду преимущественно интересы языка. Начинать изученіе родной рѣчи надо съ поэтическаго языка, а не съ прозаическаго. Языкъ по самому существу своему есть поэтическое произведеніе, въ созданіи котораго равномѣрно участвовали воображеніе, чувство и умъ.

(Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника).

Едва ли есть какая-либо отрасль литературы, которая была бы такъ загромождена всякимъ хламомъ, какъ педагогическая, особенно надо это сказать относительно разныхъ учебниковъ и

учебныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто только ни брался за эти вопросы, рѣшая ихъ вкривь и вкось? Чего только ни наговорено по поводу ихъ? Немудрено, что вслѣдствіе этого педагогическая литература сильно профанировалась въ глазахъ нашего общества, довѣріе къ ней подрывалось. Не этимъ ли, хотя отчасти, объясняется малое вниманіе къ педагогическимъ вопросамъ не только образованнаго общества, но и тѣхъ, кто рѣшительно не въ правѣ игнорировать ихъ? (Ж. Обр. 1884 г.)

У насъ такъ вообще стараются удешевить и упростить начальную школу, что она, пожалуй, скоро обратится въ настоящее выѣденное яйцо. Нѣкоторые хлопочутъ даже и о томъ, чтобы существующія двухклассныя школы размѣнять на двѣ одноклассныя, предполагая, вѣроятно, что, размѣнявъ одинъ двугривенный на два гривенника, стануть богаче. (Образованіе 1894 г.).

О женскомъ образованіи.

Отцы и матери не должны забывать, что ужъ разъ проснулася въ ихъ дочери жажда знанія, то, если не удовлетворить ее, она обратится въ болѣзнь: откажите жаждущему въ свѣжей, здоровой водѣ, и онъ постарается утолить жажду какой попало водою. (Ж. Обр. 1876 г., ст. «Положеніе у насъ вопроса о жен. обра.»).

Представителями новаго направленія въ обществѣ бываютъ обыкновенно люди съ натурами страстными, сильно увлекающимися, съ характерами настойчивыми, рѣшительными. Такими и были по большей части первыя представительницы стремленія женщинъ къ наукѣ. (Ibid).

Есть такіе люди, которые въ серьезномъ образованіи женщинъ видятъ помѣху материнскимъ чувствамъ, хотя едва ли возьмутся доказать, что мужчины вслѣдствіе солиднаго образованія стали утрачивать достоинства хорошихъ отцовъ.

(Ж. Обр. 1876 г., ст. «Наши задачи»).

Случись, что какая-нибудь женщина изъ получившихъ высшее научное образованіе окажется плохою семьяниной или даже порочною женщиной, — найдутся блюстители нравственности, которые не задумаются обвинить въ этомъ случаѣ научное образованіе, особенно если эта женщина попыбуетъ прикрыть-ся какой-нибудь теоріей. Нападающіе даже и не подумаютъ о томъ, гдѣ же ручательство, что эта женщина не оказалась бы порочною при недостаткѣ образованія; они не думаютъ о томъ, чѣмъ же собственно лучше этой другая порочная женщина, объясняющая причину своихъ проступковъ тѣмъ, что ее лукавый попуталъ.

(Ж. Обр. 1879. Изъ жизни и литерат.).

Открытыя женскія учебныя заведенія никогда не могутъ за-даваться тѣми же цѣлями, какъ институты, по отношенію къ иностраннымъ языкамъ. Если бы въ гимназіяхъ назначали двойное число уроковъ по языкамъ, сравнительно съ институтами, въ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ, то и тогда не достигнуть того, что достигается въ институтахъ, благодаря практикѣ, которую имѣютъ воспитанницы внѣ уроковъ. Намъ кажется, что открытое заведеніе по отношенію къ иностраннымъ языкамъ только и можетъ ограничиться той цѣлью, чтобы оканчивающія курсъ настолько освоились съ грамматическимъ строемъ иностранныхъ языковъ и лексикономъ ихъ, чтобы имъ была вполне доступна иностранная книга, написанная обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ. Стремиться же въ открытомъ заведеніи къ тому, чтобы ученицы овладѣли практическимъ иностраннымъ языкомъ, чтобы могли свободно изъясняться на немъ, — значить, по нашему убѣжденію, стремиться къ невозможному.

(Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника.).

О наукѣ.

Популярно-научныя книги, полезныя для расширенія свѣдѣній людей съ солиднымъ образованіемъ, не таковы для лицъ, лишенныхъ его. Давая въ легко доступной формѣ результаты различныхъ наукъ, популярно-научныя книги обыкновенно

скрываютъ всю ту трудную, черновую работу, благодаря которой и добыты эти результаты; вслѣдствіе этого книги эти не могутъ дисциплинировать умъ. Легко приобрѣтенныя свѣдѣнія балуютъ умъ, дѣлаютъ его слишкомъ самонадѣяннымъ и рѣшительнымъ, готовымъ на самыя широкія обобщенія, на крайне фальшивое примѣненіе ихъ на практикѣ. Фальшивости этой не мало содѣйствуетъ и то, что свѣдѣнія популярныхъ книгъ не всегда точны, а если и точны, то не всегда вѣрно понимаются мало развитымъ умомъ.

(Ж. Обр. 1876 г. ст. «Положеніе у насъ вопроса о высш. жен. обр.»).

Въ концѣ 1879 г. на съѣздѣ естествовѣдовъ профессоръ Вагнеръ высказалъ прекрасную мысль, которой нельзя не привѣтствовать, мысль о необходимости большаго единенія ученыхъ силъ, — разработки цѣлыми корпораціями ученыхъ лицъ научныхъ вопросовъ по извѣстной впередъ намѣченной программѣ и необходимости большаго сближенія науки съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, въ науки, въ томъ числѣ и естественныя, въ настоящее время развѣтвились на столько вѣтвей, на столько специальностей, часто мелкихъ, что нерѣдко узкость специальности давить умъ, педантизмъ сушитъ его. Узкій специалистъ, замкнувшись въ тѣсной своей ячейкѣ, иной разъ неспособенъ замѣтить самыхъ существенныхъ, жизненныхъ вопросовъ своей науки и можетъ трудиться надъ вопросами мелкими, ничтожными, случайно заинтересовавшими его. Положимъ, что съ большими умами и дарованіями этой бѣды не случится; но вѣдь такихъ умовъ единицы, а ученыхъ тружениковъ съ обыкновенными дарованіями сотни. Вотъ силы этихъ сотенъ и могли бы принести громадную пользу наукѣ и жизни, если бы не разбрасывались, не трудились надъ случайными, мелочными вопросами. Случайность и мелочность ученыхъ работъ, невозможность даже и для образованнаго человѣка видѣть ясно ихъ отношеніе къ цѣлому сильно рознать науку съ жизнью. Уже съѣзды весьма оживляютъ дѣло, именно тѣмъ, что сближаютъ ученыя силы, что здѣсь каждый ученый чувствуетъ себя членомъ цѣлой корпораціи лицъ, трудящихся надъ однородными вопросами, чувствуетъ гораздо яснѣе значеніе своего труда для того цѣлага,

ради котораго и собираются ученые на съѣздъ. Не естественно ли, что тутъ же на съѣздѣ могло и даже должно было возникнуть предложеніе составить какъ бы программу, намѣтить существенные вопросы, надъ которыми слѣдуетъ поработать общими силами въ виду того, что рѣшенія ихъ нетерпѣливо ждутъ не только наука, но и жизнь. Хотя предложеніе проф. Вагнера и не было принято, но мы твердо убѣждены, что оно рано или поздно должно будетъ осуществиться, такъ какъ оно жизненно и представляетъ не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе идеи, лежащей въ основѣ съѣзда. Какъ выше сказано, всѣ науки въ настоящее время разрослись такъ широко и развѣтвились на столько отраслей, что нѣтъ возможности самому гениальному ученому совмѣстить все въ своемъ умѣ. Тамъ же, гдѣ оказывается безсильнымъ единичное лицо, тамъ должно дѣйствовать лицо коллективное, корпорація, а корпорація тогда сильна, когда связь отдѣльныхъ членовъ крѣпка, когда каждый членъ является опредѣленной и сознательной частицей цѣлаго.

(Ж. Обр. 1880 г. № 1. Изъ жизни и литерат.).

Чѣмъ чаще бываютъ научные конгрессы, тѣмъ жизненнѣе ихъ вопросы, тѣмъ сильнѣе воздѣйствуютъ они на общество, отвлекая его хотя на время отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, пробуждая въ немъ высшіе духовные интересы, стремленіе къ знанію. На научныхъ конгрессахъ представители наукъ изъ разныхъ странъ сходятся дружно во имя знанія, и тутъ нѣтъ мѣста никакой національной розни и враждѣ: французъ Пастеръ, нѣмецъ Вирховъ и подобные имъ одинаково дороги для француза, для нѣмца, для русскаго, потому что благодѣтельное знаніе для всѣхъ благодѣтельно.

Истинная наука не таитъ своихъ открытій, она, какъ солнце, свѣтитъ всѣмъ. Въ этомъ ея высокое, облагораживающее значеніе для всего человѣчества.

(Об. 1892 г. Изъ жизни и лит.).

О литературѣ.

Пушкинъ по преимуществу поэтъ юности; произведенія его болѣе всего дѣйствуютъ на человѣка въ пору юности, въ ту пору,

когда голова человѣка полна грезъ, полна мыслей, а сердце полно смутныхъ желаній и чувствъ. Пушкинская поэзія можетъ научить «изящно чувствовать» и любить жизнь. Едва ли Пушкинъ думалъ когда-нибудь о томъ, что онъ окажетъ такія огромныя услуги русской педагогикѣ и русской женщинѣ. Произведенія великаго поэта по своему громадному значенію и вліянію часто далеко превосходятъ ожиданія его самого.

(Ж. Обр. 1880 г. Изъ жизни и литерат.).

Достоевскаго мало назвать высокоталантливымъ и высокочестнымъ работникомъ или труженикомъ мысли и слова; это былъ «подвижникъ мысли и слова», онъ всю душу свою въ нихъ влагалъ, потому-то они и были такъ жгучи, потому-то они и вызывали поклоненіе у однихъ, озлобленіе у другихъ; потому-то равнодушными къ нимъ могли оставаться только не знавшіе или не понимавшіе ихъ. Нѣкоторые говорятъ: «Достоевскій былъ больной человѣкъ нашего больного вѣка». Пусть такъ. Но развѣ можетъ человѣкъ съ глубокой натурой, съ чуткимъ сердцемъ, съ большимъ и яснымъ умомъ не болѣть въ наше время. Только пустое сердце можетъ биться всегда ровно; только пустая мысль можетъ всегда неуклонно слѣдовать правиламъ формальной логики. Если же умъ полонъ живого содержанія, если сердце полно жгучаго чувства, то человѣкъ не вмѣщается, такъ сказать, въ узкіе логическіе предѣлы; душа его рвется изъ нихъ въ другую область, въ область творчества, чаянія, вѣры. Такіе люди нерѣдко и ошибаются, но нерѣдко и предугадываютъ то, что вовсе недоступно голому логическому мышленію, и въ то же время всегда будятъ сонную общественную мысль... Вотъ великое значеніе такихъ избранныхъ натуръ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный Достоевскій. Онъ былъ не холодный изслѣдователь, а страстный искатель истины, добивавшійся найти въ самой преступной душѣ искру божественнаго свѣта. Не для ранняго юношества писаны сочиненія Достоевскаго; но молодые люди, уже начинающіе сознательную общественную жизнь, должны читать его. Его произведенія могутъ быть для нихъ прекрасной школой гуманности.

(Ж. Обр. 1881. Изъ жизни и литерат.).

Тургеневъ, подобно Пушкину, страстно любилъ жизнь, искалъ въ ней всего того, что даетъ силу душѣ, вливаетъ въ нее свѣтъ и радость. Онъ самъ хотѣлъ наслаждаться жизнью въ благородномъ смыслѣ этого слова, какъ можетъ наслаждаться ею высокоодаренный, чуткій артистъ, хотѣлъ, такъ сказать, полной грудью вдыхать ароматъ жизни. Повсюду онъ, изображая жизнь, ищетъ красоты, добра, истины, особенно любить останавливаться на свѣтлыхъ проявленіяхъ жизни. Всякія уродства, ложь, зло глубоко оскорбляютъ его. Они возбуждаютъ въ немъ не ѣдкую насмѣшку, не гнѣвъ сатирика, а глубокую грусть, отъ которой порою онъ словно ищетъ успокоенія въ картинахъ природы. Онъ по духу своему и чудному, прелестному языку прямой наслѣдникъ Пушкина въ нашей литературѣ; недаромъ самъ онъ считалъ себя его ученикомъ.

(Ж. Обр. 1883 ст. «Памяти И. С. Тургенева».)

Если не розами усыпанъ у насъ жизненный путь поэтовъ и вообще писателей, то хоронить ихъ, усыпать цвѣтами ихъ гробы и могилы и чтить память ихъ мы, русскіе, кажется, уже научились.

(Ж. Обр. 1887 г. Изъ жизни и литерат.).